

Автандил
Махарадзе

29/1-89

● Сначала я его не узнал. Запущенная седая борода, разлетающиеся по ветру седые волосы, разорванная до пояса длинная полотняная рубаха...

НАРОДНЫЙ артист Грузинской ССР Автандил Махарадзе снимался в финальной сцене казни своего героя совместного югославо-французского фильма. Постановщик — известный режиссер (его картина «Скупщики перьев» в свое время завоевала несколько международных наград) Александр Петрович. Он и пригласил на главную роль в ленте по роману известного сербского писателя Милоша Црњанского «Сеобе» — «Переселения» советского актера.

Съемки были сложными: массовые батальные сцены (действие происходит в XVIII веке), много крупных планов, интернациональный коллектив из Франции, Швеции, Австрии, Чехословакии, Польши.

Казалось, Махарадзе за год ничем уже не мог удивить постановщика — работал, не щадя себя ни в каких мелочах. Но в самом конце не только удивил — ошеломил. В ключевой, трагически венчающей фильм сцене казни наотрез отказался сниматься... с дублером.

«Все буду делать сам. Я прожил жизнь Вука Исаковича, я должен ее завершить».

Вешали в те времена в здешних краях страшно: сверху на обреченного прыгал еще один паляч. Чтобы выдержать эти съемки — а было сделано восемь дублей — нужна была, кроме всего прочего, недюжинная сила... Так никто и не смог уговорить актера отдать эту сцену дублеру.

Окрестности Нови-Сада... 10-градусный мороз, очередной дубль... Босой, до колена в снежно-грязной жиже Вук Исакович шел навстречу своей смерти.

В тот же день, 17 декабря, — день финальной сцены съемок «Сеобе» — в Москве в Доме кинематографистов картина Тенгиза Абуладзе «Покаяние» тайным голосованием единодушно была признана фильмом года. Исполнитель главной роли Автандил Махарадзе получил приз за лучшее исполнение мужской роли.

Об этом совпадении я узнал поздно вечером в гостинице, когда вернулся со съемок. Мне позвонили друзья, поздравили. «А что ты делаешь сегодня вечером?» — спросили они. Я усмехнулся: «Меня вешали»... Там чувствовали, здесь казнили. В момент награды я (мой герой) погибал. Что-то такое философское, не правда ли? Да, мне очень хотелось лично получить нашего первого «Оскара». Но, знаете, одновременно я был доволен, что в тот самый вечер я был на съемках. Получилось так: в момент получения награды за труд я трудился...

Махарадзе помолчал несколько секунд, усмехнулся: «А вообще, скажу вам, когда вешают тебя голого, босого, на морозе — состояние не приведи бог». Снова помолчал, и уже серьезно: «Нет, хорошо, что от дублера отказался: нормально должно получиться»...

Теперь о моем собеседнике. Тем более, как ни странно, центральная пресса писала о нем очень мало. Автандилу Махарадзе 45 лет. Он — один из ведущих актеров Тбилисского академического драматического театра имени Шота Руставели. Актером стал в 21 год. Отец его, Иван Махарадзе, тоже актер, трагически погиб, когда сыну было чуть больше года. Воспитывала мать, Любовь Селивановна, по профессии врач. Сейчас занимается внуком Ваню, которого в семье все зовут Ванечкой, как звали деда.

Вечером пьем грузинский чай в корпункте у парка Звездара. Автандил Махарадзе, аккуратно подстриженный («Решил оставить на пробу бороду, правда, седая получилась»), в тщательно подогнанном по мощной фигуре костюме, модном галстуке («Соскучился по цивильному»). Сигареты курит мягкие, душистые, что у меня почему-то не вяжется с крепкой статью актера. Но это так, к слову.

— Что было в работе самого интересного? — переспрашивает он. — Во-первых, советский актер снимается в интернациональном коллективе — уже интересно. Во-вторых,

набрался, как говорят, международного «опыта». Пригодится ли в дальнейшем в кино, не знаю, но в актерской жизни — несомненно. Что еще? — заразительно, сочно смеется. — Вес сбросил. На коне ездить научился.

Когда Петрович позвонил в Тбилиси и предложил главную роль, вкратце рассказав о ней, Махарадзе сразу же согласился. Но в конце разговора вышла заминка. «На коне, дружок, скакать будешь». Ответу «Я не умею» режиссер долго смеялся.

— Он, оказывается, думал, что если грузин, то рядом с ним должен непременно конь находиться. А я действительно не то что не умел ездить — живую лошадь толком не видел.

Как вышел из положения? — Дали здесь отличного инструктора Йокича. В день 3—4 часа верхом на лошади. По-

де всего скоморохи. Да, так и напишите, скоморохи. Все остальное в нашей профессии, на мой взгляд, не столь важно. Вот из-за этой изначальности мы все на площадке и понимали друг друга.

— Проблемы с языком были на съемках?

— Каждый говорил на своем родном языке. Я не на грузинском — на русском: понятен для режиссера, оператора. Если доведется сниматься в дальнейшем таким же образом, то буду говорить только на грузинском. Почему? Русский я знаю не досконально, без нюансов, да и думаю чаще на своем родном языке. Так вот все время, когда в «Сеобе» говорил, думал о тексте. Считаю, что от этого роль как минимум проиграла процентов на 30—40. На грузинском — пусть меня поймут правильно — я бы выложилась значительно больше.

— Автандил Иванович, смотрите, вы человек очень ответственный, доскональный, целенаправленный (в съемоч-

Спрашиваю его: — Несколько слов об образе Варлама. Какие чувства испытывали, как готовились к роли?

— Что можно испытывать, играя роль злодея, порождение зла, насилия? Готовился как? Никак не готовился. Играл, как сердце чувствовало. Сейчас многие говорят: «Фильм — обличитель культа Берии». Я его не играю, нет. Эта картина не слепок с истории, с некогда живущих. Эта картина о нас. Насилие над душой, телом, беспомощность перед злом встретишь в любой стране, в любой эпохе. В фильме нет определенного времени, оно уничтожено. Мы хотели сказать: безграничная власть и нравственность несомнестимы. И еще. Зло никогда и нигде не забывается.

— Хотели бы снова сниматься у Абуладзе?

— Хотел бы? Очень.

— А каковы ваши планы в театре у Стурца? Недавно прочитал, что он собирается поставить «Вишневый сад» Чехова. Даже выписал в блокнот такие его слова: «Меня интересует, как милые, интеллигентные, добрые люди впустили в свой дом Лопухина, приговорившего их сад к уничтожению».

— Может быть, конечно, Стурца и передумал, слишком долго ждет, но эту роль он предложил мне. Если и была у меня какая актерская мечта, то это Лопухин... «Приговорил сад к уничтожению»? Так сказал Стурца? Домой бы скорее...

— Кстати, как в театре отнеслись к столь долгому вашему отсутствию?

— Как видите, нормально отнеслись, — смеется. — В сентябре, когда наш коллектив был на гастролях в Греции (давали «Ричарда III» и «Короля Лира»), я принимал в них участие.

А теперь пришло время рассказать о том, что у меня наболело, и, думаю, поймут меня все правильно. Так вот, о гастролях в Греции. Из Белграда в Афины напрямую мне вылететь не разрешили. Не положено, сказали. Кем? Когда? Почему? Всего 55 минут лета, а вместо этого должен был лететь из Белграда в Москву, из Москвы в Афины, из Афин в Москву, из Москвы в Белград. И все потому, что у меня, оказывается, какой-то не такой паспорт. Да их у меня целых пять, так выдайте всего один, но чтобы было «положено». Почти год живу, работаю вне дома, вне родины, в иностранном коллективе — и ничего, доверяют, а слезать в соседнюю страну не могу. Знаю, что капиталистическая. Ну и что? В Америке бывал, а в Грецию из Югославии нельзя. Когда же закончим оглядываться через плечо?

Проработал год в международном коллективе и смело могу сказать: к нам относятся с симпатией, уважением. А мы порой цены себе не знаем. Если же, к примеру, начали заключать контракты в кино, в балете, в спорте, то не надо нам дешевить. Чувство собственного достоинства необходимо всегда иметь. Убежден: наши актеры, режиссеры, операторы скоро будут все чаще и чаще участвовать в зарубежных работах. Мы ничуть не хуже кого бы то ни было, а в некоторых случаях лучше. Так вот хочу одного — чтобы они не летали, если понадобится, из Варшавы в Мюнхен через Москву.

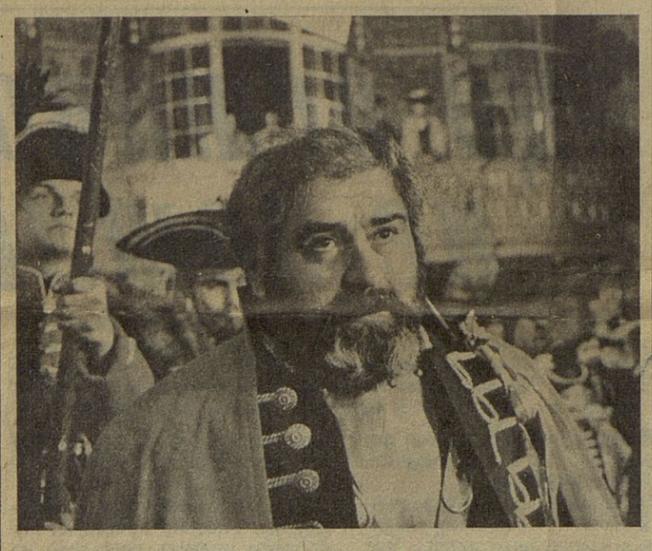
Спрашиваю Махарадзе: «Театр... кино... «Покаяние»... «Сеобе»... О чем думаете, уезжая из Белграда?»

— О работе. Об интересной работе...

Когда я сказал Александру Петровичу о том, что готовлю материал о Махарадзе, он попросил сказать следующее и продиктовал: «Актеру Автандилу Махарадзе я дал роль Вука Исаковича в крупнейшем югославском романе. Это говорит само за себя. В Автандиле совместились две вещи — внешность и взрывная человеческая и актерская сила, окрашенная непосредственностью, присущей детям. Автандил Махарадзе считается одним из самых больших актеров на этой маленькой планете».

Е. ФАДЕЕВ.
(Соб. корр. «Правды»)
г. Белград, январь.

«Покаяние», «Сеобе»... Что дальше?

лезная штука, — и вновь хитро улыбается. — Джигитом стал. Коня перестал бояться.

Спрашиваю Махарадзе:

— Работа завершена. Как вы думаете, получилось? И еще. Легко иметь в партнерах «звезд» мирового кино?

— О картине (сейчас начался ее монтаж) мне не очень удобно говорить. И потом я не люблю прогнозов. Лента — вещь тонкая. Известный режиссер. Опытная труппа: одни французы Изабель Ипер (по фильму — моя жена) и Ричард Бэри (мой брат) чего стоят. Любопытный материал. Война, перелом эпох, ломка человеческих судеб. А что «звезды»? Работать было легко, интересно. Есть у них много плюсов, но есть и минусы. И учиться надо и в первом случае, и во втором — чтобы такими, как некоторые, стать.

— Трудно ли было в подобной ситуации перевоплощение?

— Не нравится мне это слово «перевоплощение». Вообще не люблю бесчисленных рассказов актеров о своем мастерстве, почерке, индивидуальности. Многие из них, наблюдайте, научились прекрасно говорить о том, что играют, как играют, а играть разучились. Слышу: «Я так ушел в создаваемый мною образ, что ничего не помню». Быть такого не может. Если так, значит, и самого себя не помнит. Или еще кто-то придумал: «Потрясающе молчит на экране». Да и молчит — что сказать нечего. Некоторым возразят: «А Жан Габен?» Да он был один на целом свете. Или еще: «Интеллектуальный актер». Не знаю таких! Остальные что, дураки, что ли?

На свою работу, убежден, надо смотреть с некоторой долей иронии, может быть, даже с юмором. И никогда не забывать, что по природе своей, изначально, мы, актеры, преж-

дней группе это также все отмечали. Как получили роль в «Покаянии»?

— О, это тоже история... Тенгиз Абуладзе, с которым мы были только знакомы и все, видел меня в «Ричарде III», «Короле Лире».

— Извините, перебую. Кто вы там играете?

— В «Лире» — Глостера, в «Ричарде III» в каждом акте по роли: короля Эдуарда IV, архиепископа и в третьем акте — шута. Так вот, позвонил мне Абуладзе: «Хочу предложить роль в новом фильме». Я прочитал сценарий, он мне очень понравился. На следующий день даю согласие, а в конце разговора говорю: «Но вообще-то мне больше нравится роль не сына, Авеля, а отца, Варлама».

Прошло, наверное, недели две. Звонит Абуладзе: «Будешь играть две роли — Авеля и Варлама».

Так, без единой пробы я начал сниматься в «Покаянии». Больше того, когда просматривали дубли, Абуладзе спрашивал: «Какой тебе больше нравится? Выбери». Я и выбирал. Это не значит, конечно, что после того режиссер останавливался именно на «моем» кадре. Нет, но такое доверие окрыляло. Как любого в нашем коллективе. Поэтому и картина получилась...

О роли Варлама в исполнении Махарадзе писали много. Собственно, не зря он и советского «Оскара» получил. В Каннах до самого последнего дня был в числе претендентов на высшую награду. Приз получила сама картина. В Чикаго на международном кинофестивале он все-таки стал обладателем главной премии. Американцы, доведясь услышать, очень интересовались актером из Грузии. Еще один штрих к нашей «звезде» за рубежом.